

КАМЫШЕВ П. Д. — ЯГОДЕ

КАМЫШЕВ Петр Дементьевич, родился в 1879 в Вязьме Смоленской губ. Получил начальное образование, работал пекарем. 7 декабря 1919 — арестован по политическим мотивам, позднее был освобожден¹. С 1921 — работал на различных постах в области хлебопечения: инструктором, старшим инспектором, преподавателем в техникумах, рабфаках и институтах. 15 февраля 1935 — арестован, приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлен в Минусинск. В мае 1936 — обратился с заявлением к народному комиссару НКВД Ягоде.

<20 мая 1936>

«НАРОДНОМУ КОМИССАРУ НКВД
гр<аждани>ну ЯГОДЕ

от администр<ативно> ссыльного
КАМЫШЕВА Петра Дементьевича,
г<ород> Минусинск, Красноярского
края, улица Ленина, д<ом> № 40.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

С 1921 года по 1935-й я работал на различных постах в области хлебопечения, как то: в Моск<овском> Тресте Хлеб<опече>ния мастером, специалистом по пшеничному и ржаному хлебу и директором во многих крупных хлебопекарнях гор<ода> Москвы, в Гос<ударственной> Хлебной Инспекции при Наркомвнуторге, в Научно-Исследовательском Институте Хлебопечения старшим инструктором, в Учебно-Производственном Комбинате Хлебопечения, где все производственное обучение студентов рабфака, техникума и вуза исключительно было возложено на меня. Работал техноруком на хлебозаводе №1. В 1933 г<оду> я был специально направлен директором Учебно-Производственного Комбината тов<арищем> Лакшиным на прорыв в одну из самых больших московских хлебопекарен — в пекарню № 1, где действовало 12 беспрерывных печей с суточной пропускной способностью — 65 тонн. Массовый брак хлеба, десятки тонн хлеба валялись по кладовым. Трое суток я не выходил из производства. Я завел новые с более чистой культурой теста, на ходу без остановки производства отремонтировал печи, машины, в течение трех дней брак свел на нет. Здесь же было место массового хищения хлеба, пьянства; все это было вырвано с корнем, а в течение трех месяцев пекарня № 1, считавшаяся на худшем счету, стала по своим качественным и количественным показателям наилучшей в Москве. По заданию тов<арища> Зотова, директора Московского Треста Хлебопечения, я работал по качеству хлеба на хлебозаводах № 2 и № 3 и во многих хлебопекарнях, и не было случая, где бы я не помог выйти даже из самого затруднительного положения.

В течение 3-х лет я руководил производственным обучением студентов и одновременно занимался с бригадами, подмастерьями, проходившими специальные курсы по технологии хлебопечения. Я участвовал во многих комиссиях по качеству хлеба и подготовке кадров и т<ак> д<алее>.

За это время я много раз был премирован почетными грамотами, деньгами и приказами мне выносили благодарность. В 1934 г<оду> Московский Трест Хлебопечения поручил мне организовать пекарню № 40

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

для выпуска высокосортных булочно-кондитерских изделий для снабжения образцового магазина № 1 гастронома (бывш~~его~~ Елисеева). Будучи организатором и директором этой пекарни я сумел организовать и развить это дело так, что в течение четырех месяцев мне дали еще 7 пекарен с количеством работников свыше 800 человек, а из 8 пекарен был организован комбинат, который снабжал 22 магазина гастронома, Мостропа и др~~угих~~ организаций. За прекрасную организацию и за проявленную быстроту темпов в Московский Трест Хлебопечения меня премировали 1000 р~~ублями~~ и 1200 р~~ублями~~ по линии рационализации производства.

Гр~~аждани~~н Народный Комиссар! Судя по перечню, кратко указанному мною, Вам будет понятно, что я имею огромный опыт и знание не только как практика, но и человека, хорошо теоретически подкованного в области хлебопекарного производства.

За эти годы я приобрел полное доверие не только со стороны ответ~~ственных~~ работников хлебопечения, но и работников профсоюзных организаций Областкама и ЦК Союза Хлебопекарной Промышленности. И я всячески старался живым примером (делом) оправдать их отношение и доверие ко мне. Я работал часто без выходных дней по 15 час~~ов~~ в сутки, не исключая и ночного времени. Будучи патриотом своего дела, а я искренне люблю его, я увлекался этой работой, не чувствуя усталости, я радовался успехам своей работы и не думал, что меня ждет арест и ссылка.

15 февраля 1935 г~~ода~~ я был арестован Эконом~~ическим~~ Отделом НКВД Московск~~ой~~ области. Арест был для меня абсолютной неожиданностью, я не знал за собой никакой вины. За этим Отделом я пробыл 30 дней, а затем мое дело было передано в Полит~~ический~~ Отдел. Мне была предъявлена статья 58-10. За Полит~~ическим~~ Отделом я пробыл два месяца заключения. Допрос производился на тему, имел ли я какие связи с ЦК лев~~ых~~ социал~~истов~~-рев~~олюционеров~~ и максималистов. На эти вопросы я ответил, что не только с организациями, но и с отдельными членами я никаких связей не имел с 1923 г~~ода~~. На 4-й месяц мое дело было передано из Московской области в НКВД СССР. Здесь мне было предъявлено совершенно новое обвинение в антисоветских разговорах: 1) что будто я, Камышов, одобрительно отозвался об убийстве тов~~арища~~ Кирова; 2) что я высказывался о будущей войне Японии – Германии с Советами и о нашем поражении; 3) антисемитизм. Материал обвинения следователем собран и записан со слов гр~~аждан~~ки Зобовой, которая еще в бытность мою директором Комбината пыталась дискредитировать меня различными грязными сплетнями по административно-хозяйственной линии, за что расширенное заседание месткома пекарни № 40 вынесло гр~~аждан~~ке Зобовой (уборщице) строгий выговор с предупреждением (прим~~ечание~~ — историю этих сплетен я изложил в особом заявлении и передал следователю гр~~аждани~~ну Яхонтову, да и, возможно, что на основании этих сплетен и последовал мой арест Эконом~~ическим~~ Отд~~елом~~ НКВД). Нужно отметить, что склока и кляузы до дня моего ареста велись ею при непосредственной поддержке председателя гр~~аждани~~на Негодина исключительно по хозяйственной линии, и только после моего ареста заставило моих врагов изменить тему кляуз на антисоветские разговоры, тем более, что я, находясь в строгой изоляции, не мог вести борьбу с их наветами. На допросе я в категорической форме отверг эти обвинения и назвал их грязной и не имеющей места ложью, глубоко враждебной моим взглядам и убеждениям. По каждому пункту предъявленного мне следователем обвинения я дал следующее объяснение: во-первых, о Советской власти, — я считаю Советскую власть

наивысшей и самой идеальной формой выявления воли трудящихся. Не будь Советов, восставший революционный пролетариат и вообще трудящиеся массы не могли бы произвести экспроприацию экспроприаторов, т<о> е<сть> национализацию земли, заводов, фабрик, орудий производства, банков и т<ак> д<алее>. Это и моя заветная цель и идеал, за которые я также страстно боролся многие десятки лет, т<о> е<сть> с 1900 года. Только при Советской власти пролетариат может построить социализм даже в окружении мирового капитала. 2) Дискредитация вождей ком<мунистической> партии — я не мог этого говорить и не говорил. Я нахожу, что убийство тов<арища> Кирова — отвратительный акт, льющий воду на мельницу мировой контрреволюции, и вместе со всеми трудящимися я возмущался этим бессмысленным актом. 3) В отношении войны и общих наступательных действий Германии и Японии на наш Советский Союз, т<о> е<сть> самых ультра-монархических и контрреволюционных фашистских правительств тех стран, где трудящиеся массы, как в никакой другой стране, изнывают и стонут под грубым сапогом военщины, где всякая свободная мысль задушена. Я пережил японскую, империалистическую и гражданскую войны. Я хорошо знаю, что эти войны стоили человечеству сотни миллиардов рублей народных денег, десятки миллионов человеческих жизней. При настоящих же условиях современной техники и звериной злобы капиталистических акул к советской власти, война принесет невиданные миром жертвы, и поэтому все мероприятия Советского правительства, направленные к срыву мировой бойни, я считаю правильными и мудрыми. Во время империалистической войны, живя политэмигрантом в Канаде и соединенных штатах Америки, будучи интернационалистом, я активно боролся с оборончеством всех мастей. Затем у меня имеются дети и родственники, все призывного возраста, комсомольцы, которые по первому зову пойдут на фронт, да и сам я, как бывший дружинник 1905 г<ода> и красногвардеец 1917 г<ода>, буду драться до зубов за нашу русскую и мировую революции. Говорить о войне могут только бешеные собаки из белогвардейского и фашистского лагеря, да темные битые люди-обыватели, смотрящие с маленькой колокольни своих шкурных интересов, но я никогда не принадлежал ни к той, ни к другой категории. 4) Антисемитизм — это будет смешным обвинить человека, имеющего 35-летний революционный стаж, прошедшего всю свою революционную деятельность среди еврейского пролетариата, в рядах которого я боролся и учился у них, как бороться. И, наконец, 27 лет тому назад я женился на еврейке и живу с ней до сих пор.

Вот те основные доводы, которые я привел следователю в свое оправдание, а затем я их подтвердил в особом письменном заявлении. При этом отметил, что эти обвинения, так же, как и обвинения хозяйственного порядка, построены исключительно на личной почве. В бытность мою директором пекарни № 40, а затем директором Комбината высокосортных булочно-кондитерских изделий я мог говорить с ними исключительно только о вещах делового характера, относящегося к производству, так как Зобову и Негодина я очень мало знал, а незнакомым людям таких вещей не говорят.

Характеристика о моей работе составлена опять же председателем месткома пекарни № 40 и, приложенная следователем к следственному материалу, ни в коем случае не может характеризовать мою работу. Ее следовало получить от Московского Треста Хлебопечения. Все мои доводы на допросе оставались тщетными, меня выслали на 3 года и этим самым я был оторван от семьи и очень большого, интересующего меня дела хлебопечения.

Гр<ажда>нин Народный Комиссар! Я уже не молод — мне 57 лет. Я постоянно страдаю острыми болями сердца, сильной одышкой, склерозом; нервная система расшатана. В прошлую зиму я не мог выносить мороза в 30-40 градусов, а они доходили в этой местности до 50 градусов.

Все вышеизложенные факты заставляют меня обратиться к Вам с просьбой, пересмотреть мое дело или же, в крайнем случае, разрешить мне переехать в города, находящиеся в центре России или на юге Украины, но в такой город, где я мог бы работать инструктором по хлебопечению. Работать у печки мастером-пекарем я по состоянию своего здоровья не могу.

20/V-1936 г<ода>.

(П. Камышов)»².

В середине 1930-х — проживал в Минусинске, работал пекарем в промышленной артели имени Молотова. 4 июня 1937 — арестован, 20 июля приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян в Красноярской тюрьме³.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1477. С. 57-58. Машинопись.

³ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.